

Хэ Гуаньюнь добивается его внимания — неужели и правда только из-за алчности, ради власти и денег группы компаний Фэн? Но тогда все эти тонкие, едва уловимые проявления чувств совершенно излишни — такое невозможно сыграть.

Глядя на Се Гуаньцзюя, сплошь покрытого бинтами и ссадинами, Фэн Бэй нахмурился, но все же протянул руку, подхватил его под мышки и помог приподняться на кровати.

Се Гуаньцзюй вздрогнул, словно от удара током, но тут же это волнение сменилось глухой горечью и подавленностью. Он поднял глаза на Фэн Бэя, и в его взгляде, исполненном терпения и мертвой тишины, читался немой вопрос:

— Что ты хочешь сказать? Чтобы я больше не приближался к Хэ Жофэну?

Фэн Бэй, встретившись с таким Хэ Гуаньюнем, не нашелся что ответить. На мгновение он заколебался, а затем нахмурился и спросил:

— Скажи мне, эта авария... как-то связана с тобой?

Он отчетливо видел, как кровь в одно мгновение отхлынула от лица Се Гуаньцзюя. И бледность эта была вызвана не страхом или чувством вины, а отчаянием и неверием. Отчаянием от того, что он столько лет был добр к Фэн Бэю, но так и не заслужил ни единого ласкового слова, ни капли доверия. Неверием в то, что Фэн Бэй может быть настолько жесток: растоптать его искренние чувства и при этом оставаться таким невозмутимым.

Тяжелое чувство безысходности, исходившее от Се Гуаньцзюя, вмиг заполнило всю палату. Он не стал отвечать прямо, лишь горько усмехнулся и прохрипел:

— Если ты так считаешь, то пусть будет так. Пусть это буду я.

502 встревоженно заверещал:

— Хозяин, зачем ты признаешься?! А если Фэн Бэй решит, что это и правда твоих рук дело?

Се Гуаньцзюй с печальным выражением лица отвернулся, не желая больше смотреть на Фэн Бэя, однако с 502 общался легко, почти играючи:

— Отступая, наступай. Просто наблюдай.

Фэн Бэй вглядывался в его бледное лицо, его взгляд был острым, пронизывающим, но внутри, казалось, что-то дрогнуло. Интуиция подсказывала: эта история вряд ли связана с Хэ Гуаньюнем.

— Об этом пока не будем. Пока ты не поправишься, я во всем разберусь, — холодно произнес Фэн Бэй, не терпящим возражений тоном добавив: — Но впредь не смей показываться на глаза Хэ Жофэну.

Се Гуаньцзюй лишь вымученно дернул уголком губ, ничего не ответив. Он уставился в стену, его пересохшие губы были плотно сжаты.

Фэн Бэй постоял еще немного и вышел. Перед тем как войти в палату, он ожидал увидеть прежнего Хэ Гуанъюня — безумца, который без конца твердил, будто Хэ Жофэн отнял у него все. Фэн Бэй никогда не любил слушать этот бред, ведь он был уверен: из того цунами его спас именно Хэ Жофэн. Позже у него возникали сомнения, но не было свидетелей, а когда он очнулся, рядом был Хэ Жофэн, который тоже сильно пострадал, и раны его в точности соответствовали тем, что Фэн Бэй видел перед потерей сознания...

Он никак не ожидал, что в этот раз Хэ Гуанъюнь не заведет привычную пластинку, а будет выглядеть вот так. Фэн Бэй не удержался — сделал шаг, замер и, словно поддавшись наваждению, оглянулся.

Се Гуаньцзюй сидел на кровати, не мигая глядя ему в спину. В его глазах читалась такая бездна чувств, словно он был юношей, угодившим в трясину любви и не знающим, как выбраться: боль была смешана с мазохистским наслаждением. Казалось, он готов умереть, лишь бы хоть на секунду стать ближе.

Эта жгучая, исступленная любовь, какой Фэн Бэй никогда прежде не видел, на мгновение едва не сбила его с ног. Он застыл.

Се Гуаньцзюй же, внезапно осознав, что их взгляды встретились, в испуге отвел глаза, больше не желая показывать свою унижительную, отчаянную жажду.

Фэн Бэй сглотнул — в горле пересохло — и, закрыв дверь, вышел. Прижав кулак к губам, он постоял у палаты еще пару мгновений и лишь потом ушел.

Как только он скрылся, Се Гуаньцзюй выдохнул:

— Наконец-то ушел.

502 удивленно и радостно воскликнул:

— Что происходит?! Уровень симпатии подскочил на 40 пунктов, теперь он уже не отрицательный! О боже!

Се Гуаньцзюй откинулся на подушки, поправляя раздражавшие его бинты.

— Это естественно. Фэн Бэю под тридцать, а он ни разу не был влюблен. Как думаешь, почему?

502 проанализировал:

— И правда... Вокруг него полно красавцев и красавиц, взять хотя бы Хэ Жофэна, но он ни разу не дрогнул. Может, он импотент?

Се Гуаньцзюй хмыкнул:

— Сам ты импотент. Это значит, что он всегда считал, будто все вокруг крутятся рядом только ради его денег и власти. Он никому не верит. Даже к Хэ Жофэну он был добр лишь потому, что думал, будто тот спас ему жизнь. Если бы не этот факт, он бы на него и не взглянул. Жалкий на самом деле человек — он не верит, что кто-то может полюбить его просто как личность. Богачи — люди со странностями. Если бы нашелся кто-то богаче него, он бы, скорее всего, поверил.

502:

— Понял. Значит, теперь ты будешь зарабатывать деньги, чтобы стать богаче него, и только потом покоришь его?

Се Гуаньцзюй:

— Заткнись. Сейчас я покорю его своей актерской игрой.

Се Гуаньцзюй спросил:

— Ты подготовил реквизит, о котором я просил?

502:

— Конечно. Как я могу быть системой, если не справляюсь с такими мелочами?

Спустя некоторое время 502 в замешательстве спросил:

— Но почему ты не расскажешь Фэн Бэю правду о том цунами?

Се Гуаньцзюй ответил:

— Бесполезно. Словам без доказательств он не поверит.

Впрочем, это неважно. Скоро он заставит Фэн Бэя поверить — и пожалеть.

Фэн Бэй шел по коридору, пребывая в странном смятении. Он никогда не видел в глазах других людей такой жгучей страсти, как у Се Гуаньцзюя — она была словно пламя, готовое сжечь его самого, лишь бы согреть объект обожания. Оказавшись в эпицентре такого чувства, Фэн Бэй на мгновение не смог сдвинуться с места. Лишь выйдя к окну в конце коридора и постояв на холодном ветру, он немного пришел в себя, отгоняя от сердца непонятные, тревожные мысли.

Тем временем к нему подошел управляющий Хэ в сопровождении матушки Лю. Женщина осторожно приблизилась, не решаясь подойти слишком близко, и, держась на расстоянии трех-четырех метров, нерешительно спросила:

— Молодой господин Фэн, все вещи с места аварии были изъяты полицией как улики. Нам их не отдают. Не могли бы вы оказать услугу и помочь нашему старшему господину вернуть одну вещь?

Фэн Бэй не был тем, кто привык помогать по пустякам. В другое время он бы просто прошел мимо, но почему-то спросил:

— Что за вещь такая важная?

Матушка Лю, увидев, что Фэн Бэй готов выслушать, с облегчением вздохнула:

— С тех пор как наш господин очнулся, он не может спокойно спать, его мучают кошмары. У него был плеер, с которым он почти не расставался, называл его своим талисманом. В день аварии он был в наушниках, и мы не знаем, куда они делись. Я подумала, если вернуть ему этот плеер, он будет слушать музыку и, может, станет спать лучше. Он так сильно похудел за эти дни, я боюсь...

Вернувшись в компанию, Фэн Бэй не собирался этим заниматься, но все же не удержался и отправил помощника в полицию. Тот действительно нашел маленький MP3-плеер. Фэн Бэй вертел его в руках, крутя пальцами ручку, и случайно нажал кнопку воспроизведения. Раздался шум, а следом — знакомый голос.

Пальцы Фэн Бэя замерли. В лучах закатного солнца, пробивающихся сквозь панорамное окно, его лицо стало непроницаемым и мрачным. Он вспомнил, как в палате Се Гуаньцзюй постоянно что-то сжимал в ладони, пытаясь уснуть, но когда он подходил ближе, ладонь оказывалась пустой. Теперь он понял, что это было.

В больнице Се Гуаньцзюй прилежно лечился. Больничная еда была неплохой, и он, пользуясь отсутствием посторонних, ел с аппетитом. Но стоило кому-то войти, как он тут же принимал страдальческий вид.

В этот момент 502 снова подал голос:

— Симпатия опять выросла, еще на 10 пунктов! Хозяин, ты же ничего не делал, просто ел и пил весь день! Как это возможно?

Се Гуаньцзюй слегка улыбнулся, словно этого и ожидал:

— Ты разве забыл, что я велел тебе подсыпать в обед матушки Лю эмоциональный катализатор?

Катализатор делает человека сентиментальным. Матушка Лю, которая вырастила Хэ Гуанъюня, всегда жалела своего господина. Видя, как он мучается от бессонницы, она старалась облегчить его жизнь: привезла постельное белье из дома, чтобы ему было уютнее, и даже решила просить Фэн Бэя о плеере. Конечно, она не знала, что именно на нем записано.

В юности Хэ Гуанъюнь совершил много глупостей, в том числе и эту: он прогуливал уроки, чтобы подкараулить Фэн Бэя у стен его аудитории. Когда тот вставал отвечать на вопросы, он записывал каждый его ответ, а потом хранил эти записи как величайшее сокровище, переслушивая в долгие одинокие вечера.

Теперь, когда у Се Гуаньцзюя была вся память Хэ Гуанъюня, он обязан был этим воспользоваться. Какое выражение лица будет у Фэн Бэя, когда он откроет плеер, который Хэ Гуанъюнь берег как жизнь, и услышит собственный голос? Это будет захватывающее зрелище.

Прошло еще несколько дней. Фэн Бэй не приходил, но присылал добавки. Вскоре раны на ногах Се Гуаньцзюя почти зажили, и бинты на голове можно было снимать, но он не спешил — этот реквизит должен был сыграть свою последнюю роль.

В тот день к нему пришел его друг Чжоу Цзюнь с букетом цветов. Чжоу Цзюнь тоже был из «золотой молодежи», они познакомились в университете, потом связь прервалась, когда Чжоу уехал за границу, а недавно вернулся. В студенческие годы он ухаживал за Хэ Гуанъюнем так отчаянно, что даже признался в любви на общеуниверситетском новогоднем вечере. Это было громкое событие, о котором Фэн Бэй не мог не знать.

Се Гуаньцзюй как раз был под капельницей, когда дверь открылась и вошел молодой человек в бежевом тренче. Он выглядел свежо, энергично, а главное — был очень красив. Где-то в коридоре слышались восторженные вздохи медсестер. Се Гуаньцзюй чуть заметно улыбнулся, медленно потянул рукав больничной пижамы вниз и взглянул на настенные часы, мысленно отсчитывая время.

Если он не ошибся, сейчас он попросит Чжоу Цзюня почистить яблоко, и как раз в тот момент, когда Чжоу будет кормить его с рук, Фэн Бэй появится в дверях.

502 прокомментировал:

— О, битва не на жизнь, а на смерть.

Се Гуаньцзюй приподнял бровь. Людям всегда нужны стимуляторы, особенно мужчинам с сильным чувством собственности.

Чжоу Цзюнь и Фэн Бэй были совершенно разными. Фэн Бэй — холодный, властный, отстраненный. Чжоу Цзюнь — общительный, открытый, от него веяло теплом и надежностью. Но даже у таких легких на подъем людей бывают свои драмы. Хэ Гуанъюнь в свое время стал для него именно такой драмой.

Прошли годы, Чжоу Цзюнь повзрослел и больше не совершал импульсивных поступков, как в юности. Он отошел на позицию старого друга, но его забота сквозила в каждом жесте. Зная, что Хэ Гуанъюнь до сих пор одинок, он принес букет ярко-красных роз — намек был очевиден.

Се Гуаньцзюй, удобно устроившись на подушках, слушал рассказы Чжоу о студенческих годах и не мог сдерживать улыбку. Он был невероятно красив, и даже белая повязка на лбу и капельница в руке придавали ему лишь хрупкий, болезненный шарм, вызывая желание защититься. Чжоу Цзюнь не сводил с него глаз, полных нежности.

Картина была настолько уютной, что к середине дня медсестры уже вовсю сплетничали.

Фэн Бэй, выйдя из лифта с помощником, услышал, как дежурные медсестры перешептываются:

— Тот парень, что зашел к старшему господину Хэ, такой красавчик! Говорят, он годами за ним ухаживал, настоящий романтик.

— Как они смотрятся вместе, прямо как в кино!

— Эх, жаль, снимать нельзя, а то был бы отличный заголовок.

Помощник не понимал, зачем Фэн Бэй приехал в больницу. Сегодня выписывали Хэ Жофэна, но разве для этого нужно было личное присутствие? Когда пришло сообщение, что Хэ Жофэн простудился и его состояние ухудшилось, Фэн Бэй даже бровью не повел, просто отправил помощника с вещами. Несмотря на то, что Хэ Жофэн считал себя возлюбленным Фэн Бэя, их отношения были холодными. Из-за занятости Фэн Бэя они виделись пару раз в год. Помощник даже подозревал, что у Фэн Бэя какие-то проблемы с психикой или физиологией. Впрочем, Хэ Жофэн был его спасителем, поэтому Фэн Бэй проявлял к нему хоть какое-то внимание — иначе не приказал бы врачам переливать ему кровь в критический момент после аварии.

Пока медсестры обсуждали увиденное, раздался голос Фэн Бэя:

— Есть вопросы? Почему остановились?

Помощник удивленно посмотрел на него: Фэн Бэй направлялся в палату Хэ Жофэна, но внезапно замер перед палатой Хэ Гуанъюня. Его челюсть сжалась, а взгляд потемнел.

В палате Се Гуаньцзюй, листая журнал по искусству, что-то весело рассказывал мужчине рядом. Журнал принес Чжоу Цзюнь. В университете они были звездами факультета искусств, вместе организовывали выставки. К сожалению, последние годы Хэ Гуанъюнь был одержим Фэн Бэем и отказался от возможности продолжить обучение за границей. Но сейчас, обсуждая живопись, он чувствовал, как внутри него что-то оживает.

Фэн Бэй стоял у дверей, и его аура заставила всех в коридоре притихнуть, поэтому смех Се Гуаньцзюй и Чжоу Цзюня стал слышен отчетливее. Фэн Бэй прищурился. Се Гуаньцзюй в сине-белой больничной пижаме выглядел бледным, его губы пересохли, но состояние духа было совершенно иным, чем при встречах с ним. Рядом с Фэн Бэем он всегда был робким, опустив голову, с погасшим блеском в глазах. А сейчас у него на щеках играли ямочки, а в глазах светилась уверенность — Фэн Бэй видел его таким впервые.

Он не расслышал, что именно тот сказал, но голос звучал по-юношески нежно, словно кошачьи

лапки поскребли по сердцу. Мужчина рядом смотрел на него не отрываясь, тихо рассмеялся, отрезал кусочек яблока и поднес к его губам. Се Гуаньцзюй привычно склонил голову и откусил. На губах осталась капелька сока, прозрачная и соблазнительная.

Вот оно что. Оказывается, с другими он совсем иной? Неудивительно, что он сумел довести кого-то до безумного признания на глазах у тысяч студентов, а потом годами не отпускать.

Хех, ну и ну...

Помощник поднял телефон и прошептал:

— Господин Фэн, Хэ Жофэн звонит.

Фэн Бэй пришел в себя, на его красивом, холодном лице проступила тень.

— Пусть ждет, — ледяным тоном ответил он.

Посмотрев еще раз на оживленно беседующую пару, он нахмурился, развернулся и, не заходя к Хэ Жофэну, направился прямо в кабинет лечащего врача. Два дня назад тот звонил помощнику, намекая на осложнения после операции, но не стал вдаваться в подробности, настаивая на личной встрече.

Изначально Фэн Бэй не собирался разбираться с последствиями, но, толкнув дверь кабинета, почувствовал странное раздражение. Он дернул воротник, ослабляя галстук.

Врач, увидев Фэн Бэя, поспешно встал и предложил чай:

— Господин Фэн, прошу.

Фэн Бэй сел, бегло просмотрел историю болезни и снимки:

— В чем проблема? Говорите прямо.

— Господин Фэн, можете быть спокойны, второй господин Хэ восстанавливается отлично...

Фэн Бэй перебил его:

— А Хэ Гуанъюнь?

Врач замялся:

— Старший господин... Он тоже восстанавливается хорошо. Сотрясение прошло, гематома удалена, переломы срослись. Но... — он взглянул на помрачневшего Фэн Бэя и продолжил, запинаясь: — У него были тяжелые разрывы мягких тканей правой руки. Лечение начали

слишком поздно, поэтому полное восстановление маловероятно.

Фэн Бэй молчал, его лицо стало пугающе каменным. Помощник, стоявший рядом, испуганно спросил:

— Врач, объясните яснее! Что это значит?

Врач вытер пот со лба:

— В обычной жизни проблем не будет, но мелкая моторика — игра на пианино, рисование — для него теперь закрыты.

В кабинете воцарилась тишина. Давление, исходившее от Фэн Бэя, стало почти невыносимым. Спустя долгое время он произнес:

— Если бы сразу после аварии спасали его?

Врач вздохнул:

— Шансы на полное выздоровление были бы гораздо выше.

В палате Се Гуаньцзюй равнодушно отвел взгляд от двери. Он знал, что Фэн Бэй стоял там некоторое время, а потом ушел. То, что он не вошел сразу, было ожидаемо: симпатия Фэн Бэя едва дотягивала до 30, о настоящих чувствах речи не шло. Но с его гордостью, увидев его с другим, он должен был разозлиться.

А пока есть гнев и чувство вины, это станет началом зарождения любви.

Чжоу Цзюнь, чье внимание было приковано к Се Гуаньцзюю, заметил его взгляд, брошенный на дверь. В душе Чжоу поднялась горечь — он все понимал. Он слишком хорошо знал Хэ Гуанъюня и знал, что тот годами был заиклен на Фэн Бэе, и это не менялось долгие годы.

<http://bllate.org/book/18587/1790306>